

— Тётя Мэй! — позвал он, стоя у лестницы.

Тётя Мэй, мывшая в кухне овощи, откликнулась и вышла, спросив:

— Что случилось?

— ... Я хочу куриный бульон.

Тётя Мэй как раз боялась, что он совсем ничего не будет есть, поэтому, услышав про бульон, сразу обрадовалась и улыбнулась:

— Ах, хочешь бульон — это хорошо! Сейчас пойду куплю курочку. Ты отдохни, я скоро вернусь...

— ... Угу, — Чэн Юэ кивнул, не сходя с места у лестницы, и смотрел на её суетящуюся фигуру. В его глазах будто что-то шевельнулось, но на лице не отразилось ни одной эмоции.

Через некоторое время тётя Мэй собралась и, выходя, ещё помахала ему рукой и улыбнулась.

Раздался звук закрывающейся двери. Чэн Юэ наконец развернулся и пошёл в комнату. Как только тётя Мэй ушла, у него не осталось больше причин сдерживать ярость и тревогу, kloкотавшие в груди. Он схватил со стола стеклянный стакан и что есть сил швырнул его на пол!

— Бам! — Стакан разлетелся на осколки. Чэн Юэ, опершись руками на колени и согнувшись, тяжело дышал. Бурные эмоции бушевали в его груди — их невозможно было подавить, да и полностью выплеснуть тоже не получалось.

В этот момент снова зазвонил телефон. Чэн Юэ, с покрасневшими глазами, посмотрел в ту сторону — снова звонок от матери. Он подошёл, взял трубку, язвительно усмехнулся и затем изо всех сил швырнул телефон в угол —

Оглушительный треск, телефон ударился о пол и разлетелся на куски. Напольный торшер в углу от сильного удара опрокинулся, стеклянный абажур и лампочка с грохотом разбились вдребезги.

Почему... почему...?!

Буйные эмоции выли в его сердце. Чэн Юэ стоял на месте, жадно хватая ртом воздух, но удушье в груди не отпускало.

Ха... Говоришь, всё ради меня... А я для тебя всего лишь инструмент...

Да ещё и бракованный...?

Если бы она узнала, что я теперь ещё и ребёнка ношу, назвала бы меня подонком, чудовищем?

Чэн Юэ фыркнул, его глаза были красными, даже виднелись кровавые прожилки, но больше не выступило ни единой слезинки.

Вдруг в душе у него возникло чувство пустоты — он не понимал, ради чего были все его прошлые старания, и какой смысл продолжать так жить. Жить в этой муке, удушье, даже в страхе и тревоге... день за днём — какой в этом смысл?

Если я умру... что будет с ней...?

Хаотичные мысли, словно демоны, вертелись в голове. Чэн Юэ был на грани безумия, сознание унеслось куда-то в тёмный угол. Очнувшись, он обнаружил, что держит в руке тонкий осколок лампочки и глубоко вонзил его в кожу на запястье, оставив глубокий кровавый след.

Из раны сочилась алая кровь, распространяя насыщенный металлический запах. Чэн Юэ внезапно почувствовал, как у него в животе всё переворачивается, бросился в ванную комнату спальни и, ухватившись за раковину, начал рыгать.

С самого утра он почти ничего не ел, и вырвать было уже нечем. Теперь же в желудке просто поднималась кислота, его мутило, но выходила только вода.

Наконец подавив тошноту, Чэн Юэ открыл кран, набрал воды в ладони и умылся.

Запястье продолжало кровоточить, заливая белоснежную керамическую раковину ярко-красным. На его лице тоже остались следы крови. Только сейчас Чэн Юэ начал чувствовать боль, и эта боль заставила его немного протрезветь.

... Что я делаю?

Он поспешно прижал рану, стараясь максимально остановить кровотечение, и постепенно успокоился.

Повзрослев, он постоянно пытался вырваться из-под контроля матери, старался не обращать внимания на её слова и отношение... И почти преуспел.

А сегодня новость о беременности чуть не добила его, а слова матери стали тем острым лезвием, что вонзилось прямо в сердце и почти сломало его.

Но с какой стати он должен наказывать себя за её недовольство и безумие!

Чэн Юэ посмотрел на своё бледное и подавленное отражение в зеркале, глубоко вздохнул. Внезапно вспомнив, что тётя Мэй может скоро вернуться, поспешил спуститься вниз за аптечкой, чтобы не напугать её.

Спускаясь по лестнице, он подумал о своей наивной мечте: если бы у него родился ребёнок, он обязательно дал бы ему счастливое детство и позволил свободно выбирать жизнь, какую тот захочет.

А разве сейчас не такой случай?

Хотя и не совсем так, как он представлял... Но родить самому — тоже хорошо, иначе он не знал, когда смог бы наконец отбросить свои внутренние барьеры и нормально влюбиться, не говоря уже о женитьбе и детях.

По дороге из больницы он ещё раздумывал, не избавиться ли от этого ребёнка, но сейчас он был полен ожидания, чувствуя, что эта новая жизнь словно дала ему силы и смелость противостоять всему.

Он решил скрыть от родителей и всех остальных, что родит этого ребёнка.

Он должен стать сильнее, обеспечить ему ту жизнь, о которой мечтал, позволить расти здоровым, а не таким мрачным и неустойчивым, как он сам.

Сердце Чэн Юэ наконец успокоилось. Он подошёл к шкафу в гостиной и принялся искать аптечку. Обычно он ею почти не пользовался и не знал, куда тётя Мэй её могла положить.

Наконец нашёл, только открыл — и услышал звук открывающейся двери.

Он на мгновение растерялся, но больше испугался. Подняться наверх с аптечкой теперь было невозможно, к тому же на полу уже остались капли крови.

Он сжал губы, быстро соображая, как объясниться.

— Ой, смотри-ка, какая я растяпа! Выйдя, так разволновалась, что деньги забыла... Э? А Юэ, ты что вниз спустился?

Не успела она договорить, как тётя Мэй увидела окровавленную руку Чэн Юэ, аптечку рядом и его слегка смущённое выражение лица. Он словно хотел что-то объяснить, приоткрыл рот, но не издал ни звука.

Тётя Мэй аж вздрогнула и бросилась к нему:

— Что случилось? Откуда столько крови, а? Дай посмотреть, не прикрывай...

— Ничего страшного... Тётя Мэй, я просто нечаянно уронил стакан и порезался.

— И от пореза столько крови бывает, а? — Тётя Мэй вспомнила, что Чэн Юэ весь день был сам не свой, и сразу почувствовала, что дело плохо. Увидев столько крови, она чуть не расплакалась от беспокойства, отодвинула его руку и увидела на запястье ровную поперечную рану, из которой продолжала сочиться кровь.

Слёзы тут же хлынули у неё из глаз. Она поспешно крепко сжала его запястье выше раны, пытаясь остановить кровь, и сквозь рыдания принялась ругать Чэн Юэ:

— Как ты мог так с собой поступать... Как ты смог вот так резануть себя... Если не хочешь ребёнка — можно ведь и избавиться... Нельзя же так с собой обращаться...

Чэн Юэ растерянно другой рукой стал вытирать её слёзы, а потом заметил, что на её лицо попала кровь с его руки, и поспешно опустил руку.

— Я не... Это правда случайность, я не хотел... — он путано оправдывался, глядя на слёзы тёти Мэй, и вдруг подумал: «Хорошо бы я был её сыном».

Он замолчал на мгновение, затем выдавил для тёти Мэй улыбку:

— Всё в порядке, вот я же перевязываться собрался... Больше так не буду, обещаю, ладно?

Тётя Мэй опустила глаза, не отвечая ему. Слёзы всё ещё катились по её щекам, но она не забыла взять забытый ранее на журнальном столике телефон и позвонила личному врачу.

Некоторое время они молчали. Чэн Юэ смотрел, как тётя Мэй наматывает на его запястье бинт, небрежно вытер другую руку, запачканную кровью, о свою рубашку, обнял тётю Мэй за плечи и прижал к себе.

— Тётя Мэй, слушай, я решил его родить.

Тётя Мэй аж вздрогнула, понимая, какой это риск:

— А как же барин и барыня...

— Избавиться от него... у меня рука не поднимается. Если только ты, тётя Мэй, не проговоришься, я найду способ скрыть.

Тётя Мэй, с покрасневшими глазами, бросила на него сердитый взгляд, полный боли:

— Да я и говорить не стану! Эти двое, чтоб им пусто было... Если узнают, ещё неизвестно, какую пакость выдумают...

Чэн Юэ уловил в её голосе заботу и негодование. В душе у него стало и горько, и тепло одновременно.

Чэн Юэ постепенно утвердился в решении — он обязательно сделает всё возможное, чтобы этот ребёнок вырос здоровым и счастливым. Он ни за что не сдастся!

* * *

Личный врач Чэн Юэ давно знал о состоянии его здоровья. Быстро обработав рану, он осторожно отвёз Чэн Юэ в больницу для полного обследования, чтобы в этот особый период не возникло других проблем.

<http://bllate.org/book/15597/1390725>